

СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2022.2.34.2

УДК 314.44 | ББК 60.7

© **Нацун Л.Н.**

ОЦЕНКА ВЗАИМОСВЯЗИ ЖИЗНЕННЫХ УСТАНОВОК НАСЕЛЕНИЯ С ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ ОБ АКТИВНОМ ДОЛГОЛЕТИИ

ЛЕЙЛА НАТИГОВНА НАЦУН

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: leyla.natsun@yandex.ru

ORCID: [0000-0002-9829-8866](https://orcid.org/0000-0002-9829-8866); ResearcherID: [I-8415-2016](https://orcid.org/I-8415-2016)

Значимость выявления факторов, определяющих дифференциацию представлений населения о старении и активном долголетии, обусловлена ключевой ролью данного аспекта при оценке перспектив внедрения концепции активного долголетия в российских регионах. Идея активного долголетия в ее наиболее тиражируемом варианте тесно связана с вопросами повышения включенности лиц пожилого возраста в трудовые отношения и напрямую затрагивает аспекты формирования пенсионных прав граждан. Эта повестка является дискуссионной, поскольку практики активного долголетия по-разному воспринимаются представителями различных групп населения. К этим реалиям должна быть адаптирована социальная политика государства на региональном и федеральном уровнях. Только в этом случае удастся обеспечить достижение целей в сфере увеличения продолжительности здоровой жизни и минимизации негативных эффектов демографического старения. Актуальность тематики работы, таким образом, определяется современными тенденциями демографического развития России и ее регионов, связанными с увеличением доли пожилых в составе населения и снижением рождаемости, а также относительно слабой изученностью представлений и практик активного долголетия в разрезе социально-демографических групп населения. Цель исследования заключается в изучении представлений населения о долголетии и старении в контексте их жизненных установок и в разрезе социально-демографических групп. На материалах социологического опроса обосновано, что представления респондентов о пожилых и об активном долголетии соотносятся с представлениями о собственной социальной полезности. Показано, что мотивы долголетия дифференцированы в группах респондентов, по-разному ощущающих свою социальную полезность. Выде-

ленные особенности могут быть учтены в целях повышения результативности при внедрении концепции активного долголетия в условиях российских регионов.

Демографическое старение, активное долголетие, мотивы долголетия, субъективная оценка здоровья, желаемая продолжительность жизни, ожидаемая продолжительность жизни.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-511-00036 Бел_а «Внедрение концепции активного долголетия в России и Беларуси в условиях необратимости демографического старения».

Введение

Демографическое старение обуславливает рост интереса к исследованию активного долголетия. Эта концепция стала ответом на социально-экономические и культурные вызовы, которые повлекли за собой нарастание доли пожилых в составе населения. ВОЗ определила активное долголетие как процесс оптимизации возможностей в плане здоровья, участия и безопасности в целях повышения качества жизни по мере старения людей¹. К настоящему моменту концепция активного долголетия прошла несколько стадий становления. Исходным пунктом ее формирования послужила работа Р. Хэвигхерста (Navighurst, 1961), в которой был предложен сходный по смыслу термин «успешное старение». Идея получила дальнейшее развитие в работах американских геронтологов Дж. Роуи и Р. Кана (Rowe, Kahn, 1987; Rowe, Kahn, 1997). Впоследствии теория успешного старения подверглась критике, из-за того что игнорировала объективные биологические и анатомические особенности старения организма человека, а также социокультурный контекст восприятия старения и действие институциональных барьеров, которые препятствуют сохранению активности и продуктивности в старших возрастах (Walker, 2016).

В 1980-х гг. в работах зарубежных исследователей начал использоваться термин «продуктивное старение» (Butler, Gleason, 1985; Bass et al., 1993). В рамках данного подхода фокус внимания сместился на способность пожилых людей продолжать продуктивную

деятельность, что в некоторой степени стало ответом на социальные страхи, связанные с возрастанием экономической нагрузки на трудоспособных граждан вследствие роста доли пожилого населения и с сокращением численности рабочей силы (Zaidi, Howse, 2017).

В противовес теории активного старения и продуктивного старения была предложена концепция гармоничного старения, в большей степени ориентированная на учет культурных особенностей старения и его восприятия населением (Liang, Luo, 2012).

Разнообразие трактовок понятия «активное долголетие» определяется, в том числе, тем, что при переносе концепции в иные социокультурные условия, отличные от западных развитых стран, оно трансформируется под влиянием представлений населения и существующей институциональной среды (Au et al., 2021). С этим явлением, а также особенностями статистического учета в разных странах связаны и сложности создания универсальной международной методики измерения активного долголетия. Наиболее распространенным подходом для межстрановых сравнений выступает построение интегрального индекса активного долголетия по методике, предложенной в работе А. Заиди (Zaidi, 2020). Примером может служить методика, предложенная для реалий Тайваня. Построение такого инструментария проводилось и в отношении Российской Федерации (Barysheva et al., 2018; Varlamova, Sinyavskaya, 2021), в том числе он был зало-

¹ Всемирный доклад о старении и здоровье (2016) // Всемирная организация здравоохранения. 316 с. URL: http://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/186463/9789244565049_rus.pdf?sequence=10&isAllowed=y

жен в основу проекта концепции активного долголетия².

Вопрос о том, насколько соответствуют идеи активного долголетия представлениям российского населения, остается актуальным. Его неразрешенность определяет разнообразие прогнозов относительно «приживаемости» инициатив в области активного долголетия в российских реалиях (Григорьева, Богданова, 2020).

Характер представлений населения об активном долголетии может обуславливать выбор конкретных стратегий его достижения. Направление исследований индивидуальных стратегий активного долголетия пока остается относительно слабо разработанным. В статье Н.Ю. Чаусова и Н.Н. Чаусова выделены четыре основных типа стратегий пожилых людей, отличающиеся по степени выраженности трех классификационных критериев: социально-экономической активности, интенсивности трансформационных и транзакционных издержек, активности в сфере занятости (Чаусов, Чаусов, 2020). В этих стратегиях акцент сделан на поведенческой, а не психологической составляющей: не показано, как соотносятся установки населения в отношении продолжительности жизни и представления об активном долголетии с поведением в сфере его достижения.

Относительно более разработанным является направление, связанное с изучением воздействия стереотипных представлений о старении и пожилых на их образ жизни и самовосприятие. Показано, что в современном обществе пожилые формируют сильно стереотипизированную группу, причем преобладают негативные стереотипы (Смирнова, 2008). Их влияние на образ жизни пожилых подтверждается в российских и зарубежных исследованиях (Колпина, 2019; Vai, 2014). Например, негативные взгляды на старение действуют как самосбывающиеся пророчества: они предрасполагают носителей классифицировать поведение окружающих как дискриминацию по возрасту или вести

себя так, что это может спровоцировать эйджистское поведение (Voss et al., 2017). Также отмечается, что взгляды на старение меняются в течение жизни, что требуется учитывать при разработке методического инструментария для их выявления и измерения, особенно в ходе лонгитюдных исследований (Klusmann et al., 2020).

Пробелы в изученности внутренних факторов активного долголетия определяют актуальность исследований в данном направлении. В рамках реализации научного проекта одной из задач стало выявление соотношения внутренних и внешних факторов активного долголетия. Первым шагом к ее решению послужила формулировка собственного рабочего понятия «активное долголетие»: *«социальное явление, включающее распространение среди населения ценностей и поведенческих практик, ориентированных на поддержание в течение всей жизни здоровья и хорошего самочувствия, социальных связей, развитие и сохранение трудовой, творческой и интеллектуальной активности, обеспечивающих самореализацию и удовлетворенность жизнью, с одной стороны, и эффективное использование человеческого потенциала всех возрастных групп населения, с другой»* (Короленко, 2022). В отличие от большинства исследований по данной тематике, объектом которых выступают люди пожилого возраста, объектом нашего исследования стало все взрослое население, что отражает принципиально важную позицию автора, подразумевающую распространение концепции активного долголетия на все этапы жизни человека. Далее был разработан методический инструментарий для оценки сформированности внешних и внутренних факторов активного долголетия, проведена его апробация на материалах социологического опроса населения Вологодской области. В работе более подробно рассматриваются отдельные вопросы, касающиеся взаимосвязи между жизненными установками населения и его представлениями об актив-

² Концепция политики активного долголетия: научно-методологический докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, 2020 г. / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» (г. Москва); под ред. Л.Н. Овчаровой, М.А. Морозовой, О.В. Синявской. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 40 с.

ном долголетия, установками в отношении продолжительности жизни. На основе распределения мнений о перечисленных аспектах проводится группировка респондентов, а также анализ половозрастных профилей выделенных групп.

Материалы и методы

Обозначенные выше теоретические и прикладные проблемы определяют востребованность углубленного изучения представлений российского населения о долголетию и старении как одного из значимых источников формирования барьеров и драйверов внедрения концепции активного долголетия в регионах России. Указанные задачи решались в рамках выполнения данного исследования.

Информационную базу исследования составили данные Федеральной службы государственной статистики, доклады и публикации международных организаций (ВОЗ, ООН), работы российских и зарубежных авторов, посвященные проблематике демографического старения и активного долголетия, а также данные социологического опроса населения Вологодской области в возрасте 18 лет и старше, проведенного в 2021 году на территории двух городов (Вологды, Череповца) и восьми муниципальных районов региона. Объем выборки составил 1500 человек. Метод сбора эмпирических данных – раздаточное анкетирование по месту проживания респондентов. Выборка квотная, репрезентативная, ошибка выборки в пределах 3%.

Целью исследования стало изучение представлений населения Вологодской области о долголетию и старении в контексте учета жизненных установок и в разрезе социально-демографических групп.

Задачи исследования, которые планируется решить, опираясь на данные социологического опроса населения Вологодской области:

1) оценка дифференциации установок населения в отношении желаемой и ожидаемой продолжительности жизни в разрезе половозрастных групп;

2) поиск взаимосвязей между представлениями населения о долголетию и старении и жизненными установками;

3) выявление дифференциации жизненных приоритетов, мотивов активного долголетия и представлений о пожилых и старении в выделенных группах населения.

Результаты

Для населения Вологодской области характерна дифференциация установок в отношении желаемой и ожидаемой продолжительности жизни в разрезе половозрастных групп. Наиболее высоким уровнем желаемой продолжительности жизни оказался у мужчин в возрасте 60 лет и старше – 90 лет, а самым низким – у молодых мужчин – 83 года. Мужчинам, в отличие от женщин, свойственно заново переоценивать перспективы дожития после достижения ими пенсионного возраста. Этот рубеж для мужчин обладает психологической значимостью и в контексте определения возрастной границы наступления старости: медианное значение данного показателя в целом по опросу составило 60 лет, а среди мужчин, которые уже перешагнули рубеж 60 лет, – 65 лет. На основе рассчитанных показателей желаемой и ожидаемой продолжительности старости установлено, что наибольшей психологической лояльностью к этому периоду жизни обладают молодые женщины, которые определяют 60-летний рубеж как начало старости и при наличии всех благоприятных условий готовы прожить в этом состоянии 25 лет, а с учетом реальных обстоятельств ожидают, что его продолжительность может составить 20 лет. В остальных половозрастных группах респондентов показатели заметно ниже. Интересно также и то, что именно среди женщин в возрасте до 29 лет сложилось наименьшее медианное значение возраста окончания молодости – 38 лет, тогда как в остальных группах респондентов эта планка установилась на отметке 40 лет (табл. 1).

В рамках решения задачи, связанной с поиском взаимосвязи мнений групп населения о долголетию с их жизненными представлениями, нами проведена группировка

Таблица 1. Распределение медианных значений показателей желаемой и ожидаемой продолжительности жизни и их производных, лет

Половозрастные группы	ЖПЖ	ОПЖ	Желаемая продолжительность старости	Ожидаемая продолжительность старости	Желаемая продолжительность дожития	Ожидаемая продолжительность дожития	Возраст окончания молодости	Возраст начала старости
Мужчины до 29 лет	83	75	20	15	61	52	40	60
Мужчины 30–59 лет	85	75	22	12	41	33	40	60
Мужчины 60 лет и старше	90	80	21	15	21	14	40	65
Женщины до 29 лет	85	80	25	20	61	54	38	60
Женщины 30–54 лет	86	80	20	12	43	36	40	60
Женщины 55 лет и старше	85	80	20	16	23	17	40	60
Все респонденты	85	80	21	15	37	30	40	60

Источник: данные социологического опроса населения Вологодской области (здесь и далее, если не указано другое).

Таблица 2. Распределение средних значений субъективных оценок респондентов относительно желаемой (ЖПЖ) и ожидаемой (ОПЖ) продолжительности своей жизни

№ группы	Ощущают свою полезность ...	Число респондентов, чел.	ОПЖ, лет	N ₁ , %	ЖПЖ, лет	N ₂ , %	Разрыв между ОПЖ и ЖПЖ, лет
1	государству, семье, окружающим	419	81,6	47,3	86,8	47,9	5,16
2	государству и семье	5	70,5	0,7	81,6	0,6	11,10
3	семье и окружающим	222	76,6	26,0	83,8	25,4	7,21
4	государству и окружающим	3	66,7	0,3	68,3	0,3	1,66
5	только государству	4	83,0	0,5	89,0	0,5	6,00
6	только семье	106	78,1	11,9	85,6	12,1	7,52
7	только окружающим	5	78,6	0,6	86,8	0,6	8,20
8	никому	111	76,1	12,7	83,9	12,7	7,75

Обозначения: N₁ – доля респондентов среди 863 человек, ответивших на вопрос о предполагаемой продолжительности жизни; N₂ – доля респондентов среди 875 человек, ответивших на вопрос о желаемой продолжительности жизни.

ровка респондентов по ответам на вопрос «Скажите, пожалуйста, ощущаете ли Вы свою полезность ... (государству, обществу в целом / семье (родственникам, детям, внукам) / окружающим людям (друзьям, коллегам, соседям))?» и проверена дифференциация установок в отношении продолжительности жизни (табл. 2). Затем для четырех (наиболее многочисленных) из восьми выделенных групп проводилось сопоставление ведущих мотивов активного долголетия.

Выявлена слабая положительная корреляционная связь между наличием у респондентов уверенности в собственной полезности для государства и общества и величиной желаемой продолжительности жизни (коэффициент Спирмана 0,085 при уровне значимости $p = 0,01$), а также величиной ожидаемой продолжительности жизни (коэффициент Спирмана 0,174 при уровне значимости $p = 0,01$). Кроме того, слабая положительная корреляционная связь обнаружена между

величиной ожидаемой продолжительности жизни и уверенностью респондента в своей полезности для окружающих (коэффициент Спирмана равен 0,067 при уровне значимости $p = 0,05$).

В целом полученные данные указывают, что наличие у человека ощущения собственной полезности для государства (общества в целом), семьи и окружающих положительно влияет на его установки в отношении желаемой и ожидаемой продолжительности жизни, а также способствует формированию более выраженной мотивации к долгой и продуктивной жизни. Предположительно степень влияния выше в том случае, когда человек связывает мотивы своего долголетия с возможностями самореализации в работе, приносящей общественную пользу, семейных отношениях, дружеском общении. Для проверки этого предположения рассмотрим, каковы ведущие мотивы долголетия в наиболее многочисленных группах респондентов (№ 1, 3, 6, 8; табл. 3).

В группе респондентов, которые чувствуют, что полезны для государства и общества в целом, семьи и окружающих людей, по всем мотивам долголетия средние балльные оценки выше, чем в остальных группах (исключение составили только равные с шестой группой значения, полученные для мотивов «помогать своим де-

тям, внукам», «общаться с внуками, правнуками», «нежелание расставаться со своими родными и близкими»). Ведущими мотивами долголетия здесь выступали желание как можно дольше наслаждаться жизнью, общаться с внуками, правнуками, увидеть успехи детей, а также нежелание расставаться со своими родными и близкими. Очень выделяется на фоне других групп респондентов относительно высокая значимость мотивов долголетия, связанных с самореализацией – желанием продолжить трудиться на любимой работе (3,6 балла из 5) и стремлением реализовать дело всей своей жизни (4 балла из 5; см. табл. 3). Именно эту группу можно назвать наиболее мотивированной к долгой и продуктивной жизни. При этом она является самой многочисленной (47% от числа ответивших на вопросы), что говорит о наличии в регионе благоприятной психологической основы для восприятия населением идей активного долголетия.

В группе респондентов, которые ощущают свою полезность для семьи и окружающих, наиболее значимыми были такие мотивы долголетия, как нежелание расставаться со своими родными и близкими, стремление общаться с внуками и правнуками. Вторыми по значимости оказались желания как можно дольше наслаждаться жизнью, помогать

Таблица 3. Распределение средних балльных оценок значимости мотивов долголетия у респондентов, сгруппированных по наличию у них ощущения своей полезности для государства и общества в целом, семьи и окружающих

Мотив долголетия	Группа респондентов			
	1	3	6	8
1. Хочу как можно дольше наслаждаться жизнью	4,7	4,3	4,1	4,0
2. Не хочу терять свои накопления, хочу полностью их использовать	3,6	3,1	3,1	3,2
3. Хочу воспользоваться положенными с возрастом правами и преимуществами (льготы и прочие преференции)	3,7	3,0	3,4	3,3
4. Продолжать трудиться на любимой работе	3,6	2,9	2,7	2,7
5. Помогать своим детям, внукам	4,5	4,3	4,5	3,6
6. Общаться с внуками, правнуками	4,6	4,4	4,6	3,7
7. Интересно увидеть, как изменится мир в будущем	4,4	4,1	4,2	4,2
8. Боюсь умирать	4,0	3,3	3,4	3,5
9. Увидеть, каких успехов добьются мои дети	4,6	4,3	4,5	3,7
10. Не хочется расставаться со своими родными и близкими	4,6	4,4	4,6	3,8
11. Хочу успеть реализовать дело всей моей жизни	4,0	3,3	3,3	2,9

своим детям и внукам, посмотреть, каких успехов добьются дети. Значимость мотивов самореализации в этой группе существенно ниже, чем в первой, но при этом наблюдалось самое низкое среди четырех рассматриваемых групп среднее значение значимости мотива страха перед смертью. В целом полученное распределение свидетельствует, что респонденты данной группы осознают полезность своей жизни преимущественно в контексте отношений с семьей и близкими.

Респонденты шестой группы отмечали наиболее высокую значимость следующих мотивов долголетия: нежелание расставаться со своими родными и близкими, стремление общаться с внуками и правнуками, помогать своим детям и внукам. В данной группе значимость мотивов долголетия, связанных с отношениями в семье, несколько выше, чем в третьей, что свидетельствует о еще большей замкнутости их жизненных установок на внутрисемейных отношениях.

На фоне остальных групп респондентов сильно выделяются те, кто отметил, что не ощущает собственную полезность ни для общества в целом и окружающих, ни для своей семьи. Средние оценки значимости всех мотивов долголетия у них были ниже, чем в других группах. Ведущим мотивом долголетия вступало любопытство (желание увидеть, как изменится мир в будущем), на втором месте находилось желание как можно дольше наслаждаться жизнью, и только на третьем – нежелание расставаться со своими родными и близкими. Такая иерархия свидетельствует о сниженной субъективной значимости поддержки ближайшего окружения и семьи для респондентов данной группы.

Проведенный нами факторный анализ позволил создать четыре переменные, характеризующие основные черты восприятия пожилых людей и процесса старения в региональном сообществе (табл. 4). Исходными данными послужили распределения ответов

Таблица 4. Результаты факторного анализа

Переменные	Факторная переменная	Доля объясненной дисперсии
1. Долголетие граждан – залог развития государства и общества	4. Социальная значимость активного долголетия	10,357
2. Активное долголетие – заслуга государства и общества		
7. Чтобы сохранить здоровье и активность в пожилом возрасте, требуется много денег	3. Стереотипные представления о пожилых и долголетии	11,052
8. Пожилые люди сами требуют заботы и ухода		
9. Компании, нанимающие молодых сотрудников, работают эффективнее		
18. Пожилые часто становятся жертвами мошенников	2. Негативное восприятие старения	14,256
4. Активное долголетие не зависит от финансового благосостояния		
10. Пожилой возраст – бедность, болезни, одиночество		
12. Пожилой возраст ограничивает возможности досуга		
16. Высокая продолжительность жизни создает нагрузку на государство и общество	1. Позитивное восприятие идей активного долголетия и толерантность к пожилым	17,996
17. Знания старшего поколения не актуальны для будущих поколений		
3. Старшее поколение – носители ценного опыта, знаний, традиций		
5. Активное долголетие – достижение самого человека		
6. Пожилые сотрудники в организации – опора в самых сложных рабочих ситуациях		
11. Пожилые люди – незаменимые помощники в воспитании младшего поколения		
13. Пожилой возраст – много свободного времени, мудрость, стабильность		
14. Жизненный опыт пожилых людей помогает им избежать многих ошибок		
15. В пожилом возрасте открывается много новых возможностей для досуга (хобби, общение, поездки и т. д.)		

Источник: факторный анализ проведен методом главных компонент, вращение варимакс с нормализацией Кайзера в программе IBM SPSS Statistics.

респондентов на вопрос о степени их согласия или несогласия с приведенными в анкете тематическими суждениями. Выделены четыре фактора: позитивное восприятие идей активного долголетия и толерантное отношение к пожилым, негативное восприятие старения, стереотипные представления о пожилых, социальная значимость активного долголетия.

При сопоставлении полученных факторных переменных для четырех групп респондентов (1, 3, 6 и 8) выявлена незначительная дифференциация. Так, среди респондентов первой группы только у 25% слабо выражено позитивное восприятие идей активного долголетия и толерантность к пожилым, что говорит о том, что ощущение собственной социальной полезности чаще всего сочетается с позитивными суждениями о долголетию и пожилых людях. В то же время в данной группе респондентов наблюдается ярко выраженная поляризация позиций по отношению к негативному восприятию старения: 38% разделяют ее в наименьшей степени, а 37% тяготеют к ней сильнее всего. Треть представителей данной группы полностью поддерживает стереотипные представления о пожилых, однако около половины полностью поддерживают суждения, указывающие на высокую социальную значимость активного долголетия. Представители этой категории респондентов преимущественно позитивно настроены в отношении идей активного долголетия, но признают, что современные пожилые пока не соответствуют тому образу, который формирует данная концепция, и склонны фиксировать наличие и негативных, и позитивных последствий старения населения для общества и экономики. Такая позиция может быть названа «осторожный оптимизм», поскольку реализацию идей активного долголетия респонденты связывают, с одной стороны, с будущими поколениями пожилых, а с другой стороны, с необходимостью подготовки общества и экономической сферы к сопутствующим переменам. Можно предположить, что респонденты данной категории сами принимают идеи активного долголетия и

соответствующие поведенческие практики. В целом обозначенная позиция свидетельствует о высокой адаптивности группы к новым условиям демографического развития и трансформациям государственной социальной политики.

Респонденты третьей группы в значительной мере разделяли негативные представления о старении, стереотипы о пожилых возрасте и в наименьшей мере среди всех групп опрошенных поддерживали идею о социальной значимости активного долголетия. Полученное распределение подтверждает, что данная группа ориентируется прежде всего на собственные индивидуальные интересы, полагая, что старение в целом создает больше проблем для самого человека и его близких, нежели открывает позитивных возможностей. Активное долголетие рассматривается как способ избежать чрезмерных проблем в старости и воспринимается как заслуга и личный выбор самого человека, вне оценок значимости такого образа жизни для общества и государства.

В отличие от третьей группы представления респондентов шестой группы о старении более конструктивны. Им свойственно в большей степени разделять позитивное восприятие идеи активного долголетия и толерантное отношение к пожилым, а также в меньшей степени акцентировать внимание на негативных последствиях старения. При этом с предыдущей группой респондентов их сближает высокая поддержка стереотипных представлений о пожилых и слабая сформированность представления о социальной значимости активного долголетия. Такое распределение указывает на то, что в составе данной группы опрошенных выше доля самих пожилых, что определяет более лояльное отношение к идее активного долголетия и пожилым в целом. Одновременно это объясняет и проецирование представлений респондентов об активном долголетии исключительно на индивидуальный уровень и высокий уровень поддержки стереотипных представлений о пожилых. Последнее также указывает на то, что для самих пожилых, круг общения которых замкнут на

ближайшем окружении (семье), высок риск усвоения бытующих в этой среде негативных стереотипов о старении, которые могут выступать значимым барьером восприятия идей активного долголетия и соответствующей перестройки образа жизни.

Представления респондентов восьмой группы отличаются низкой распространенностью позитивного восприятия идей активного долголетия и толерантности к пожилым, а также средней степенью выраженности негативного восприятия старения. Однако данная категория опрошенных в наибольшей степени свободна от стереотипных представлений о пожилых (табл. 5).

Половозрастной профиль четырех выделенных групп респондентов свидетельствует

о преобладании среди тех, кто не ощущает своей социальной полезности, мужчин средних лет (30–59 лет; 36%) и пожилых женщин (24%). Такое распределение свидетельствует, что для мужчин в регионе характерны негативные представления о собственном социальном положении и, вероятно, высокий уровень неудовлетворенности возможностями профессиональной самореализации. Ожидаемо, что в группах респондентов, которые ощущают свою полезность только семье или только семье и окружающим, преобладают женщины. Наиболее равномерно представлены половозрастные группы среди респондентов, чувствующих свою полезность для государства и общества в целом, своей семьи и окружающих (рис.).

Таблица 5. Распределение мнений респондентов о пожилых и старении, % от численности соответствующих групп

Факторная переменная	Значение фактора	Группа респондентов			
		1	3	6	8
1. Позитивное восприятие идей активного долголетия и толерантность к пожилым	выражено слабо	24,9	31,9	31,9	44,8
	выражено в средней степени	35,2	35,7	25,7	35,3
	сильно выражено	39,9	32,3	42,5	19,8
2. Негативное восприятие старения	выражено слабо	38,0	32,3	35,4	25,0
	выражено в средней степени	24,9	31,5	32,7	45,7
	сильно выражено	37,1	36,2	31,9	29,3
3. Стереотипные представления о пожилых	не поддерживают	27,5	31,1	19,5	46,6
	поддерживают частично	41,5	33,6	31,0	23,3
	поддерживают полностью	31,0	35,3	49,6	30,2
4. Социальная значимость активного долголетия	не поддерживают	24,2	46,0	40,7	34,5
	поддерживают частично	26,8	31,5	32,7	33,6
	поддерживают полностью	49,1	22,6	26,5	31,9

Примечание: по каждому из четырех факторов сумма значений факторов составляет 100% по столбцам.

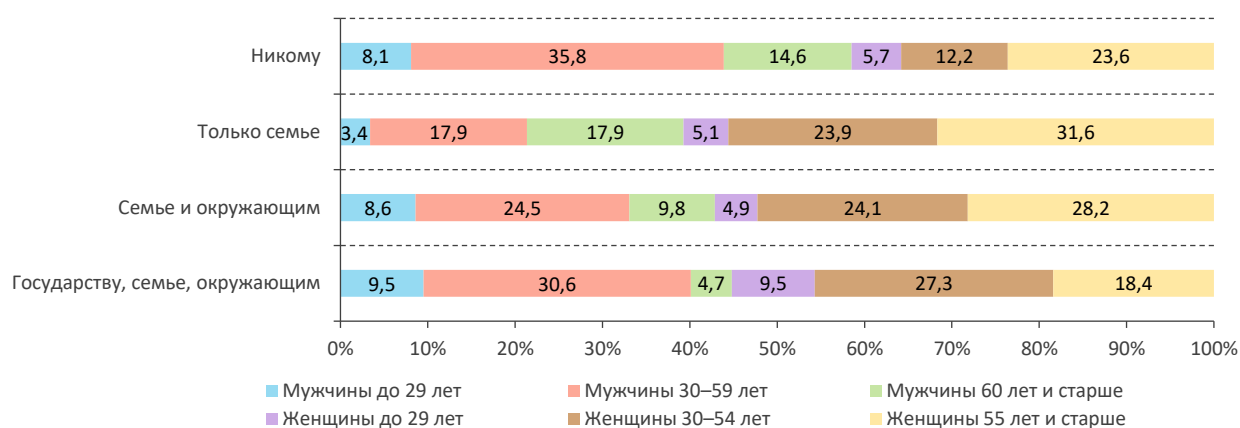

Рис. Распределение респондентов по полу и возрасту, % от численности соответствующих групп

Распределение ранговых значений субъективной значимости различных аспектов жизни в группах респондентов свидетельствует о том, что наличие ощущения собственной социальной полезности в некоторой степени соотносится с ранжированием значимости для них различных аспектов жизни. Во всех группах чаще всего первое место в ряду жизненных приоритетов занимает стремление сохранить хорошее здоровье на протяжении всей жизни (от 48% среди респондентов первой группы до 57% – шестой группы), а второе место – поддерживать общение с привычным кругом людей (родными, коллегами, друзьями, знакомыми). В ранжировании по остальным приоритетам наблюдается межгрупповая дифференциация ответов. В первой группе третье ранговое место чаще занимает трудовая деятельность (так ответили 26% опрошенных данной группы), на четвертом располагается саморазвитие и образование (29%), а на пятом – любимые занятия, хобби, увлечения (29%). В третьей группе опрошенных на третьем ранговом месте практически с равной частотой упоминаются трудовая деятельность (26%) и любимые занятия, хобби, увлечения (28%). Стремление заниматься саморазвитием и образованием представители этой группы также ставят лишь на пятое место (32%). Для респондентов шестой группы практически утрачивают значимость саморазвитие и образование, занятия хобби и любимыми увлечениями, которые они помещают на пятое место в ряду жизненных приоритетов (26 и 28%). При этом значимость сохранения трудовой активности также невысока – чаще располагается на четвертом ранговом месте (32%). Выделить доминирующий приоритет для третьего рангового места не представляется возможным ввиду высокой вариации частоты ответов по этому признаку. Сходная ситуация в отношении третьего рангового места наблюдается и в восьмой группе респондентов. В отличие от шестой группы опрошенные восьмой группы практически с равной степенью частоты помещали на четвертое место трудовую деятельность и занятия саморазвитием и образованием

(25 и 27% соответственно), тогда как пятая ранговая позиция оставалась за хобби и увлечениями (40%; табл. 6). Представленное распределение позволяет высказать ряд суждений. Ориентация на ближайшее окружение при оценке значимости своей жизни соотносится с более высокой значимостью досуговых практик (хобби, увлечений). Отсутствие ощущения значимости собственной жизни для общества, государства и окружающих сопровождается снижением значимости сохранения и продления трудовой активности.

Таблица 6. Распределение рангов значимости различных аспектов жизни для респондентов четырех групп, % от численности соответствующих групп

Аспекты жизни	Ранг	1	3	6	8
1. Заниматься любимыми увлечениями, хобби	1	10,50	21,40	15,30	16,30
	2	16,10	20,20	18,50	9,30
	3	16,60	28,30	21,30	13,60
	4	27,70	24,00	17,60	23,70
	5	29,10	18,50	28,70	39,80
2. Трудиться как можно дольше	1	16,10	13,30	7,40	4,20
	2	21,60	12,90	16,70	22,90
	3	26,10	26,20	23,10	22,90
	4	15,50	22,30	31,50	25,40
	5	20,70	25,30	21,30	24,60
3. Сохранять хорошее здоровье на протяжении всей жизни	1	48,40	49,80	57,40	55,90
	2	21,40	25,30	18,50	18,60
	3	13,60	10,30	9,30	14,40
	4	11,80	10,70	9,30	6,80
	5	4,80	3,90	5,60	4,20
4. Заниматься саморазвитием, образованием	1	13,20	12,00	7,40	5,90
	2	9,10	13,70	20,40	18,60
	3	23,20	19,70	21,30	24,60
	4	29,50	22,70	25,00	27,10
	5	25,00	31,80	25,90	23,70
5. Поддерживать общение с привычным кругом людей (родных, друзей, коллег, знакомых)	1	11,80	15,90	13,90	20,30
	2	31,80	27,90	25,90	30,50
	3	20,50	15,50	25,00	24,60
	4	15,50	20,20	16,70	16,90
	5	20,50	20,60	18,50	7,60

Примечание: 100% по столбцам для каждого из аспектов в каждой группе респондентов.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать несколько тезисов, характеризующих представления населения Вологодской области о долголетии и старении в контексте учета жизненных установок и в разрезе социально-демографических групп. Показано, что существует слабая положительная корреляционная связь наличия у респондентов уверенности в собственной полезности для государства и общества с величиной желаемой продолжительности жизни (коэффициент Спирмана 0,085 при уровне значимости $p = 0,01$), а также с величиной ожидаемой продолжительности жизни (коэффициент Спирмана 0,174 при уровне значимости $p = 0,01$). Обосновано, что наличие у человека ощущения собственной полезности для государства, семьи и окружающих положительно влияет на его установки в отношении желаемой и ожидаемой продолжительности жизни, а также способствует формированию более выраженной мотивации к долгой и продуктивной жизни. Выявлена дифференциация представлений об активном долголетии и старении в разрезе групп респондентов, сформированных по наличию у опрашиваемых ощущения собственной полезности для государства, семьи и окружающих. Показано, что этот признак соотносится с характеристикой иерархии жизненных приоритетов. Наиболее многочисленная группа респондентов ощущает свою полезность для государства и общества, семьи и окружающих. Они связывают реализацию идей активного долголетия, с одной стороны, с будущими поколениями пожилых, а с другой стороны, – с необходимостью подготовки общества и экономической сферы к сопутствующим переменам. В целом обозначенная позиция отражает благоприятный социально-психологический фон для внедрения и реализации принципов активного долголетия.

Совершенно иной эффект дает отсутствие у респондентов ощущения собственной полезности для государства и общества. В этой группе складывается представление о том, что старение в целом создает больше проблем для самого человека и его близких,

нежели открывает позитивных возможностей. Активное долголетие рассматривается как индивидуальный выбор и заслуга самого человека, воспринимается как способ избежать чрезмерных проблем в старости. В группе респондентов, которые ощущают собственную значимость только для семьи, возрастает риск усвоения пожилыми людьми негативных стереотипов о старении, которые могут выступать барьером активного долголетия. Отсутствие ощущения полезности собственной жизни для общества, государства и окружающих сопровождается более низкой значимостью сохранения и продления трудовой активности, саморазвития и образования, но при этом ориентация на ближайшее окружение соотносится с более высокой значимостью досуговых практик (хобби, увлечений). Показано, что женщины в большей степени представлены в группах респондентов, имеющих пессимистические представления в отношении своей социальной полезности, что указывает на их уязвимость и неблагоприятные психологические предпосылки для усвоения и реализации идей активного долголетия. В то же время для женщин в большей степени характерен внутренний локус контроля, что делает их установки в отношении продолжительности жизни более устойчивыми, а самосохранительное поведение более автономным и независимым от социальных обстоятельств и распространенных стереотипных представлений о старении и долголетии. Поэтому большую обеспокоенность вызывает высокая доля мужчин средних лет в группе респондентов, которые не ощущают социальную полезность. Такая ситуация свидетельствует о том, что для мужчин в регионе характерны негативные представления о собственном социальном положении и, вероятно, высокий уровень неудовлетворенности возможностями профессиональной самореализации. Учитывая, что в данной группе респондентов в среднем ниже ожидаемая и желаемая продолжительность жизни, а также значимость всех мотивов долголетия, именно мужчин средних лет с обозначенными жизненными установками

следует считать основной группой риска при реализации мероприятий, направленных на популяризацию идей и практик активного долголетия.

Полученные результаты обладают теоретической новизной, поскольку отражают вновь выявленные соотношения между жизненными установками различных групп на-

селения Вологодской области и представлениями об активном долголетии и пожилых. Выводы исследования могут найти практическое применение при разработке и реализации мероприятий социальной политики, направленных на внедрение идей и практик активного долголетия, на региональном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

- Григорьева И.А., Богданова Е.А. (2020). Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. Т. 12. № 2. С. 187–211. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211
- Колпина Л.В., Реутов Е.В. (2019). Влияние эйджистских стереотипов на формирование самоограничительных практик граждан старшего поколения // *Среднерусский вестник общественных наук*. Т. 14. № 2. С. 32–45. DOI: 10.22394/2071-2367-2019-14-2-32-45
- Короленко А.В. (2022). Активное долголетие в жизненных практиках населения Вологодской области // *Социальное пространство*. Т. 8. № 1. DOI: 10.15838/sa.2022.1.33.2. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29201>
- Смирнова Т.В. (2008). Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция // *Социологические исследования*. № 8. С. 49–55.
- Чаусов Н.Ю., Чаусов Н.Н. (2020). К вопросу о стратегиях активного долголетия людей старшего поколения // *Russian Economic Bulletin*. Т. 3. № 4. С. 195–199.
- Au D.W.H., Woo J., Zaidi A. (2021). Extending the active ageing index to Hong Kong Using a mixed-method approach: Feasibility and initial results. *Journal of Population Ageing*, 14, 53–68. Available at: <https://doi.org/10.1007/s12062-020-09275-6>
- Bai X. (2014). Images of ageing in society: A literature review. *Population Ageing*, 7, 231–253. Available at: <https://doi.org/10.1007/s12062-014-9103-x>
- Barysheva G.A., Frolova E.A., Malanina V.A., Taran E.A. (2018). Active ageing index: A Russian Study. In: Zaidi A., Harper S., Howse K., Lamura G., Perek-Białas J. (eds.). *Building Evidence for Active Ageing Policies*. Palgrave Macmillan, Singapore, 409–435. Available at: https://doi.org/10.1007/978-981-10-6017-5_19
- Bass S., Caro F., Chen Y.-P. (eds.) (1993). *Achieving A Productive Aging Society*. West-port, CT, Auburn House.
- Butler R., Gleason H.P. (1985). *Productive Aging: Enhancing vitality in later life*. USA: Springer. 148 p.
- Havighurst R.J. (1961). Successful aging. *The Gerontologist*, 1 (1), 8–13.
- Hsu H., Liang J., Luh D., Chen C., Lin L. (2019). Constructing Taiwan's Active Aging Index and Applications for International Comparison. *Social Indicators Research*, 146, 727–756. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11205-019-02128-6>
- Klusmann V., Notthoff N., Beyer AK. [et al.] (2020). The assessment of views on ageing: A review of self-report measures and innovative extensions. *European Journal of Ageing*, 17, 403–433. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10433-020-00556-9>
- Liang J., Luo B. (2012). Toward a discourse shift in social gerontology: From successful aging to harmonious aging. *Journal of Aging Studies*, 26 (3), 327–334. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2012.03.001>
- Rowe J.W., Kahn R.L. (1997). Successful aging. *The Gerontologist*, 37 (4), 433–440. Available at: <https://doi.org/10.1093/geront/37.4.433>
- Rowe J.W., Kahn R.L. (1987). Human aging: Usual and successful. *Science*, 237 (4811), 143–149.
- Varlamova M., Sinyavskaya O. (2021). Active Ageing Index in Russia – Identifying Determinants for Inequality. *Journal of Population Ageing*, 14 (1), 69–90. Available at: <https://doi.org/10.1007/s12062-020-09277-4>
- Voss P., Wolff J.K., Rothermund K. (2017). Relations between views on ageing and perceived age discrimination: A domain-specific perspective. *European Journal of Ageing*, 14, 5–15. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10433-016-0381-4>

- Walker A. (2016). *Population ageing from a global and theoretical perspective: european lessons on active ageing*. In: Moulaert T., Garon S. (eds.). *Age-Friendly Cities and Communities in International Comparison: International Perspectives on Aging*. Springer, Cham, 47–64. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-319-24031-2_4
- Zaidi A. (2020). Active aging and active aging index. In: Gu D., Dupre M. (eds.). *Encyclopedia of Gerontology and Population Aging*. Springer, Cham. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-319-69892-2_208-1
- Zaidi A., Howse K. (2017). The policy discourse of active ageing: some reflections. *Population Ageing*, 10, 1–10. Available at: <https://doi.org/10.1007/s12062-017-9174-6>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лейла Натиговна Нацун – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru)

Natsun L.N.

ASSESSMENT OF RELATIONSHIP BETWEEN POPULATION'S LIFE ATTITUDES AND IDEAS ABOUT ACTIVE LONGEVITY

The significance of identifying the factors determining the differentiation of the population's perceptions of aging and active longevity is due to the key role of this aspect in assessing the prospects for the introduction of the active aging concept in Russian regions. The idea of active longevity in its most replicated version is closely related to the issues of increasing the elderly's involvement in labor relations and directly affects aspects of the formation of citizens' pension rights. This agenda is debatable, since the active longevity practices are perceived differently by representatives of different population groups. The state social policy at the regional and federal levels should be adapted to these realities. Only in this case it will be possible to achieve the goals of increasing the duration of healthy life and minimizing the negative effects of demographic aging. The relevance of the research topic, therefore, is determined by the current trends in the demographic development of Russia and its regions, associated with an increase in the elderly's proportion in the population and decrease in fertility, as well as relatively little knowledge of the ideas and practices of active longevity in the context of socio-demographic groups. The purpose of the research is to study the population's perceptions about longevity and aging in the context of their life attitudes and in the context of socio-demographic groups. Based on the materials of the sociological survey, we have proved that the respondents' ideas about the elderly and the active longevity correlate with their ideas about their own social usefulness. We have shown that the longevity motives are differentiated in the respondents' groups who feel their social usefulness differently. The highlighted features can be taken into account in order to improve the effectiveness of the implementation of the active longevity concept in Russia's regions.

Demographic aging, active longevity, aging motives, subjective health assessment, desired life expectancy, life expectancy.

REFERENCES

- Au D.W.H., Woo J., Zaidi A. (2021). Extending the active ageing index to Hong Kong using a mixed-method approach: Feasibility and initial results. *Journal of Population Ageing*, 14, 53–68. Available at: <https://doi.org/10.1007/s12062-020-09275-6>
- Bai X. (2014). Images of ageing in society: A literature review. *Population Ageing*, 7, 231–253. Available at: <https://doi.org/10.1007/s12062-014-9103-x>
- Barysheva G.A., Frolova E.A., Malanina V.A., Taran E.A. (2018). Active ageing index: A Russian Study. In: Zaidi A., Harper S., Howse K., Lamura G., Perek-Białas J. (Eds.). *Building Evidence for Active Ageing Policies*. Singapore: Palgrave Macmillan. Available at: https://doi.org/10.1007/978-981-10-6017-5_19
- Bass S., Caro F., Chen Y.-P. (Eds.). (1993). *Achieving A Productive Aging Society*. West-port, CT, Auburn House.
- Butler R., Gleason H.P. (1985). *Productive Aging: Enhancing Vitality in Later Life*. Springer.
- Chausov N.Yu., Chausov N.N. (2020). On the issue of strategies for active longevity of older people. *Rossiiskii ekonomicheskii vestnik=Russian Economic Bulletin*, 3(4), 195–199 (in Russian).
- Grigoryeva I.A., Bogdanova E.A. (2020). The concept of acting aging in Europe and Russian in the face of the COVID-19 pandemic. *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovanii=Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 12(2), 187–211. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211 (in Russian).
- Havighurst R.J. (1961). Successful aging. *The Gerontologist*, 1(1), 8–13.
- Hsu H., Liang J., Luh D., Chen C., Lin L. (2019). Constructing Taiwan's Active Aging Index and Applications for International Comparison. *Social Indicators Research*, 146, 727–756. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11205-019-02128-6>
- Klusmann V., Notthoff N., Beyer A.K. et al. (2020). The assessment of views on ageing: A review of self-report measures and innovative extensions. *European Journal of Ageing*, 17, 403–433. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10433-020-00556-9>
- Kolpina L.V., Reutov E.V. (2019). The influence of ageist stereotypes on the formation of self-limiting practices of older citizens. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk=Central Russian Journal of Social Sciences*, 14(2), 32–45. DOI: 10.22394/2071-2367-2019-14-2-32-45 (in Russian).
- Korolenko A.V. (2022). Active aging in the life practices of the Vologda Oblast population. *Sotsial'noe prostranstvo=Social Area*, 8(1), DOI: 10.15838/sa.2022.1.33.2. Available at: <http://socialarea-journal.ru/article/29201> (in Russian).
- Liang J., Luo B. (2012). Toward a discourse shift in social gerontology: From successful aging to harmonious aging. *Journal of Aging Studies*, 26(3), 327–334. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2012.03.001>
- Rowe J.W., Kahn R.L. (1987). Human aging: Usual and successful. *Science*, 237(4811), 143–149.
- Rowe J.W., Kahn R.L. (1997). Successful aging. *The Gerontologist*, 37(4), 433–440. Available at: <https://doi.org/10.1093/geront/37.4.433>
- Smirnova T.V. (2008). Elderly people: Stereotypical image and social distance. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 8, 49–55 (in Russian).
- Varlamova M., Sinyavskaya O. (2021). Active ageing index in Russia – identifying determinants for inequality. *Journal of Population Ageing*, 14(1), 69–90. Available at: <https://doi.org/10.1007/s12062-020-09277-4>
- Voss P., Wolff J.K., Rothermund K. (2017). Relations between views on ageing and perceived age discrimination: A domain-specific perspective. *European Journal of Ageing*, 14, 5–15. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10433-016-0381-4>
- Walker A. (2016). Population ageing from a global and theoretical perspective: European lessons on active ageing. In: Moulaert T., Garon S. (Eds.). *Age-Friendly Cities and Communities in International Comparison: International Perspectives on Aging*. Cham: Springer. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-319-24031-2_4
- Zaidi A. (2020). Active aging and active aging index. In: Gu D., Dupre M. (Eds.). *Encyclopedia of Gerontology and Population Aging*. Cham: Springer. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-319-69892-2_208-1
- Zaidi A., Howse K. (2017). The policy discourse of active ageing: Some reflections. *Population Ageing*, 10, 1–10. Available at: <https://doi.org/10.1007/s12062-017-9174-6>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Leila N. Natsun – Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru)